Суббота, 11 мая (28-го апрѣля) 1918 г. Годъ изданія 56-й. Суббота, 11 мая (28-го апрѣля) 1918 г.

№ 77 **ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОЛОСЪ** № 77

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ТЕЛЕФОНЫ:
Редактора . . . . . 641—69
Секретаря . . . . . 116—70
Ночная редакція . . . . 400—24

Цѣна отдѣльнаго номера 30 к. Въ шкафахъ вокзаловъ 35 к.

ТЕЛЕФОНЫ:
Издателя . . . . . 507—52
Конторы . . . . . 5—96—5

КОНТОРА: ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАН., 31. ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО. РЕДАКЦІЯ: ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАН., 31.

Сегодня, 11-го мая, въ 4¼ часа дня, въ третью годовщину кончины покойнаго издателя „Петроградскаго Листка"

Виктора Александровича ВЛАДИМИРСКАГО

литературная семья „Петроградскаго Голоса" и служебный персоналъ изданія собираются въ помѣщеніи конторы газеты (Екатерининскій каналъ, 31) для присутствія на панихидѣ.

ИЗВѢЩЕНІЯ И ПОСТАНОВЛЕНІЯ СОВѢТОВЪ ПЕТРОГР. ТРУДОВОЙ КОММУНЫ.

(Печатается на основаніи п. 5 «Временныхъ правилъ о печати»).

Секція по топливу сов. нар. хозяйства сѣвернаго раіона довлитъ до свѣдѣнія всѣхъ крупныхъ потребителей дровъ: промышленныхъ предпріятій, продовольственныхъ и общественныхъ учрежденій и организацій о томъ, что въ цѣляхъ обезпеченія Петрограда дровами секція приступаетъ къ выполненію потребности въ дровахъ, какъ для техническихъ надобностей, такъ и для нуждъ населенія.

Въ этихъ цѣляхъ всѣмъ крупнымъ потребителямъ дровъ предлагается немедленно представить въ распорядительный отдѣлъ секціи по топливу (Мытнинская наб., 5-7) нижеслѣдующія свѣдѣнія:

1) предполагаемая потребность съ 1-го мая 1918 г. по 1-е мая 1919 г.
2) имѣющимость складовъ и адреса ихъ.
3) способъ доставки дровъ.

Предсѣдатель секціи по топливу сов. нар. хоз. **Рудаковъ.**

Завѣдывающій распредѣлительнымъ отдѣломъ (подпись).

Стратегическое окруженіе.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что это — фантазія. Пусть даже такъ. Но въ этой фантазіи не мало и реальнаго изъ переживаемой нами дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, въ удивительномъ положеніи оказались коренныя области государства Россійскаго, земли московскія, та державная Великороссія, которая собрала вокругъ себя множество разноплеменныхъ окраинъ, подчинила ихъ себѣ и создала изъ нихъ могучую, міровую державу... Въ результатѣ трехлѣтней несчастной войны всѣ эти окраины постепенно отпали.

Посмотрите: съ сѣвера надвигается финско-германская полчища; еще сегодня они ведутъ борьбу со своими внутренними врагами, еще сегодня ихъ движеніе объясняется необходимостью задушить финскую классовую гвардію, но что скажутъ они завтра, чего они завтра пожелаютъ, вкусивъ сладость побѣды, это никому не извѣстно.

А пока что—намъ предъявлено требованіе о передачѣ финляндскимъ властямъ форта Ино; это, конечно, еще не есть осада Петрограда или подступъ къ рѣшительной атакѣ нашей бывшей столицы, но во всякомъ случаѣ—нѣчто вродѣ нападенія непріятельской развѣдывательной партіи на одно изъ передовыхъ, далеко выдвинутыхъ къ сторонѣ противника крѣпостныхъ сооруженій. Нападеніе съ цѣлью измѣрить настроеніе врага, его боевую готовность, развѣдать его силы, получить нѣкоторыя данныя для послѣдующихъ дѣйствій.

Въ сущности, не въ самомъ этомъ фортѣ, носящемъ это странное китайское имя, не въ немъ заключается дѣло: хотя онъ и принадлежитъ къ системѣ кронштадтскихъ укрѣпленій и составляетъ въ тактическомъ отношеніи необходимое дополненіе къ другимъ фортамъ этой крѣпости, тѣмъ не менѣе, передача его финляндцамъ сама по себѣ не представляетъ въ военномъ отношеніи серьезной потери, тѣмъ болѣе, что и весь-то Кронштадтъ для обороны Петрограда не имѣетъ никакого значенія.

Какъ съ Кронштадтомъ, такъ и безъ него, какъ съ фортомъ Ино, такъ и безъ этого форта, оборона Петрограда невозможна безъ сильной, организованной, хорошо снабженной арміи, которая могла бы успѣшными операціями въ полѣ отбросить противника.

Сущность дѣла въ томъ, что съ нами мало считаются, насъ не боятся, намъ рѣшаются предъявлять требованія, которыя еще такъ недавно представлялись невѣроятными.... Есть въ этомъ-то и заключается вся опасная, тревожная сторона фортового инцидента, чреватаго весьма серьезными военно-политическими послѣдствіями.

Взглянете на карту: отъ Парижа до нашихъ еще границъ самостійной Украины сплошной стѣной стоятъ германскія рати, то неподвижныя, то совершающія какія-то загадочныя передвиженія, но, несомнѣнно, всѣ готовыя въ каждую данную минуту ринуться на востокъ, продолжать свое войнуе шествіе вглубь великороссійскихъ земель.

А что творится на необъятномъ просторѣ гетманства украинскаго, желающаго, при содѣйствіи австро-германскихъ штыковъ, включить въ предѣлы Украины, и Крымскій полуостровъ, и донскія, и кубанскія земли! Заняты, слѣдовательно, отнятыя отъ Россіи Таганрогъ и низовья Дона. Походъ на то, что хотятъ отрѣзать Великороссію отъ юга, окружить ее кольцомъ враждебныхъ ей племенъ и затѣмъ, по сигналу съ германской стороны, начать концентрическое наступленіе въ нѣдра Московіи.

Кавказъ уже почти совсѣмъ разобщенъ отъ остальной Россіи и предоставленъ собственнымъ силамъ: съ юга напираютъ на него турки, съ сѣвера—приближаются австро-германскіе отряды, которые неизвѣстно, гдѣ и когда остановятся. Представлялось ли намъ всѣмъ нашимъ, ну, хотя бы полгода тому назадъ, занятіе нѣмцами азовскихъ, донскихъ и кубанскихъ городовъ, паденіе Карса, побѣдное движеніе турецкихъ войскъ въ Закавказьи, хозяйничанье турецкаго флота въ крымскихъ портахъ?

Возможно ли послѣ всего этого считать невѣроятнымъ дальнѣйшее распространеніе вражескихъ силъ на территоріи Кавказа? Не стремятся ли германскія войска соединиться здѣсь съ турецкими и создать одинъ общій фронтъ? Можетъ быть, скажутъ—невѣроятно, но что невѣроятнаго въ этихъ предположеніяхъ при тѣхъ прямо-таки сказочныхъ измѣненіяхъ, изъ которыхъ соткана вся россійская дѣйствительность нашего времени?..

Да, насъ окружаютъ, тѣснятъ, отрѣзаютъ; и не сегодня, завтра германскія рати, утвердившись на низовьяхъ Дона, обезпечатъ тамъ свои фланги и тылъ установленіемъ связи съ турецкими силами, повернутъ къ сѣверу, вверхъ по тихому Дону, съ цѣлью продолжать окруженіе Московіи, сжать ее со всѣхъ сторонъ, отрѣзать ее отъ Приволжскаго края и отъ Сибири.

И когда я думаю объ этой возможности, мнѣ чудится какое-то необычное оживленіе въ двухъ противоположныхъ концахъ нашего уже разрубленнаго, но еще необъятнаго отечества: на холодномъ, суровомъ Мурманѣ, у береговъ котораго тѣснятся англійскіе и французскіе корабли, спѣшно выгружающіе союзные намъ войска; и въ далекомъ, залитомъ солнцемъ Владивостокѣ, гдѣ американская и японская [illegible], забывъ старыя распри, въ дружестве [illegible] порывѣ стремятся прійти на помощь Россіи.

И постепенно, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, прибиваютъ союзные отряды къ сѣверо-восточнымъ областямъ европейской Россіи и къ береговъ Бѣлаго моря до Холмогоръ, Волги, до Камскаго края, до южнаго Урала создается новый, восточный фронтъ для борьбы съ германскими силами, наводнившими русскія земли, для отдаленія въ эту сторону германскихъ армій, сосредоточенныхъ на поляхъ сраженій во Франціи.

Франція? Несчастная мечта? А развѣ мало за послѣдніе четыре года было такого, что представлялось несбыточнымъ, даже нелѣпымъ?

А въ концѣ концовъ и ничего въ этомъ нѣтъ невѣроятнаго, несбыточнаго. Мы воевать кончили, и повѣшенному—на сострадательное время: мы перестали быть воюющей стороной, потому что у насъ уже нѣтъ реальной силы. Но мы еще долго можемъ служить объектомъ войны и, волею судебъ, должны превратиться въ самостоятельного, активнаго фактора міровой борьбы всего лишь въ театръ военныхъ дѣйствій, для тѣхъ, кто еще сохранилъ и силы, и способность бороться...

Е. Ковицкій.

За лопату и вилы.

Вспомнимъ хлѣба въ день, это уже не призракъ настоящаго голода, а настоящій голодъ, о томъ же, что можетъ быть дальше—страшно думать.

Но думать, и не только думать, а дѣйствовать — необходимо. Нельзя, подобно страусу спрятать голову въ песокъ и ждать, когда колесо неумолимой судьбы раздавитъ тебя, какъ черника... Дѣйствовать необходимо ради будущаго, въ надеждѣ, что мы не перемремъ съ голода и, какъ ни какъ выстраемъ до конца... Этой надеждой живъ человѣкъ, этой надеждой живы мы всѣ.—Петрограды. Пахѣтъся на «самоопредѣлившуюся» Украину, кормящую уже своимъ хлѣбомъ германцевъ. Кавказъ, заключающій «сепаратный» миръ съ турками и готовящійся и этихъ кормить своимъ хлѣбомъ, Сибирь уже превратившуюся въ отдѣльное государство,—по меньшей мѣрѣ наивно; если и перепадаютъ изъ этихъ «странъ» кое какія крохи теперь, то кто же можетъ поручиться, что эти крохи будутъ еще перепадать, и что не настанетъ, наконецъ, пора, когда изъ этихъ благополучныхъ странъ не придетъ съ хлѣбомъ ни одного вагона.

При организующейся мѣновой торговлѣ чѣмъ бы стали мы расплачиваться за хлѣбъ? дорого стоящей мануфактурой, орудіями обрабатывающей промышленности? Но вѣдь все это по баснословно дешевой цѣнѣ движется, если уже не двинулось, на «замиренную» Россію изъ Германіи черезъ почти принадлежащую ей Польшу.

И Петроградъ, этотъ жизненный центръ Россіи, не вспомоществующійся никѣмъ и ничѣмъ, остается одинъ, т. сказать на своемъ собственномъ иждивеніи. Когда-нибудь, когда все успокоится, все улягется тоскующіе духовною жаждою народы Россіи и обратятся къ нему, ибо не единымъ хлѣбомъ сытъ бываетъ человѣкъ, но теперь, въ переживаемое нами звѣриное время въ Петроградѣ, носящемъ незаслуженно оскорбительную репутацію разсадника чиновничества, очага бюрократіи,—не нуждается никто, и петроградцамъ злою судьбою опредѣлено вариться въ собственномъ соку.

Какъ мы будемъ вариться, и что предпримемъ для этого въ широкомъ масштабѣ,—пророчествовать не берусь, но я возьму самую незначительную, локальную, сторону вопроса, который, какъ Ганнибалъ, стоитъ ante portas и стучится къ намъ навойливо и властно.

Это вопросъ о нашемъ пропитаніи, а ближе всего о разведеніи въ Петроградѣ и его обширныхъ и почти пустующихъ окрестностяхъ,—огородовъ.

Помнится, въ газетахъ что-то было объ этомъ, но глухо и неопредѣленно, какъ бы вскользь, между прочимъ, и объ этомъ, конечно уже основательно забыто, а между тѣмъ время бѣжитъ, и еще недѣля, другая, и, пожалуй, будетъ уже поздно.

Не говоря о ближайшихъ окрестностяхъ, въ самомъ Петроградѣ есть много пустырей,—вродѣ, чуть ли не всей Евгеньевской улицы,—тянущихся на версты, прекрасно удобренныхъ своимъ съ улицъ грязью, которые въ самое короткое время можно превратить не только въ цвѣтущіе огороды, но въ цѣлыя поля ячменя, овса и даже ржи, которая прекрасно родится въ Парголовѣ, напримѣръ.

Сносить, какъ бы слѣдовало, ненужныя теперь, но занимающія большія пространства казармы не воюющихъ, а занявшихся шпекуляціей торговлей, солдатъ теперь, конечно, уже поздно, но воспользоваться каждымъ аршиномъ, каждымъ клочкомъ незанятой земли и воздѣлать ее въ поле злакомъ или огородъ такъ же необходимо, какъ необходимо было осажденному Парижу въ 1870 году развести огороды въ своихъ скверахъ, садахъ, не исключая знаменитыхъ Елисейскихъ полей.

Кто же, однако, будетъ обрабатывать эти поля и огороды, спросятъ меня.

При рѣшеніи этого вопроса, обращаясь къ чувству «патріотизма коренныхъ петроградцевъ, къ чувству любви къ родинѣ»,—я бы отвѣтилъ: всѣ.

Всѣ, кто не такъ старъ и дряхлъ, чтобы не быть въ состояніи держать лопату въ рукахъ, къ женщинамъ и дѣвушкамъ, не боящимся того, что при полотѣ у нихъ временно загрубѣетъ кожа на рукахъ, къ учащимся подросткамъ, такъ рано теперь покончившимъ до осени съ учебными занятіями, словомъ ко всѣмъ тѣмъ, кто ничѣмъ не занятъ, и даже къ тѣмъ, кто, изъ-за куска насущнаго, хлѣба продаетъ газеты, цвѣточки, издѣлія изъ картона и многія уже совершенно никому не нужныя вещи.

Пусть эти подвальные торговцы и торговки подумаютъ объ одномъ, что не только 3, 5 рублей заработанные ими въ день, но 30 и 50 рублей теперь, когда одна морковь стоитъ два рубля, одна рѣпа—1 рубль 50 коп.,—сумма на столько ничтожная, что не можетъ хватить на пропитаніе, одежду, комнату даже одного человѣка въ день.

Пусть эти импровизованные торговцы и торговки разъ навсегда придутъ къ убѣжденію, что теперь деньги въ какомъ бы то ни было количествѣ—ничто, res nullius, и что военныя и революціонныя событія отбросили насъ почти на пять вѣковъ назадъ, къ временамъ мѣновой торговли.

Такое положеніе вещей кажется невозможно страннымъ, дикимъ, фантастическимъ, но, что будешь дѣлать, оно таково, и съ этимъ нужно примириться. Все измѣнилось, все перевернулось кверху ногами, оборотъ колеса совершился полностью, что было наверху,—стало внизу, и наоборотъ—нелѣпое стало естественнымъ и естественное—нелѣпымъ и Петербургу, считавшемуся всегда какимъ то чужеземнымъ въ обширной Россіи, пора перестать быть такимъ, пора сдѣлаться самодовлѣющимъ, самокормящимся въ маленько, обрѣзанной со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ концовъ Россіи...

За лопату и вилы, господа!

К. Баранцевичъ.

ДНЕВНИКЪ.

И на всемъ роковыя слова
Продается съ публичнаго торга!

Умерла старѣйшая изъ петроградскихъ антикваровъ—живое воплощеніе Александровскаго рынка,—Брайна Мильманъ, чуть ли не девяносто лѣтъ отъ роду. А весь Петроградъ обратился въ сплошной Александровскій рынокъ: на каждомъ шагу магазинъ случайныхъ вещей, комиссіонная контора по продажѣ всего...

Пріѣзжему иностранцу покажутся нынѣшніе дни днями расцвѣта художественной Россіи. Достаточно пройтись по Николаевской, по Литейному, по Невскому, и заглядывать въ витрины магазиновъ съ новыми вывѣсками и старыми вещами. Какое богатство! Какія богатства! Сплошная выставка!

Это разорванная, доведенная до нищеты и отчаянія злобною, злостною травлей товарищей денежная и родовитая аристократія распродаетъ тѣ цѣнности, которыя хранились во всятая-святыхъ земли, рода, дома.

Будь Мильманъ жива, будь она лѣтъ на двадцать пять моложе, она сама бы объѣздила эти очаги вкуса и безвкусицы, дорогостоящаго и дешевенькаго и со свойственнымъ ей чутьемъ разсудка отобрала бы такія вещи, что всѣ бы ахнули!

Надъ свѣжей могилой Мильманъ и свѣжей могилой многихъ розовыхъ благополучій хочется поговорить объ этой вакханаліи продажъ.

Все-таки всего интереснѣе по-прежнему Александровскій рынокъ, потому что въ немъ сосредоточены сотни такихъ повышенныхъ комиссіонныхъ и «комиссіонныхъ» конторъ.

Интересующую по поводу жизни Мильманъ ветерана рынка С. С. Москвина, за сорокъ лѣтъ своей антикварской торговли перемѣнившаго 19 адресовъ въ рынкѣ, то пріобрѣтавшаго, то распродававшаго. У него лѣтъ 20 назадъ въ помощникахъ былъ З. П. Жиновъ. Бѣгалъ по ломбардамъ, покупалъ квитанціи, разузнавалъ адреса, по которымъ можно было купить. Это онъ, по потребу желающаго блеснуть, но не имѣющаго денегъ, покупателя, вытягивалъ дубликаты пушкиновъ и сальяновъ въ кольца. Теперь З. П. Жиновъ—чиновникъ. А С. С. Москвинъ,—все in statu quo ante... Другіе ученики его: И. И. Пиновъ и А. К. Константиновъ, ведутъ самостоятельныя антикварныя дѣла. Но и З. П. тоже не бросалъ пристрастія къ картинамъ. У него очень недурная коллекція старинныхъ картинъ. Есть даже К. Брюлловъ.

О Мильманѣ С. С. Москвинъ сказалъ:

— Ею кормился весь рынокъ. Она покупала у всѣхъ все наиболѣе цѣнное. А, главное, помогала всѣмъ въ минуту злыя тоски. Нѣсколько разъ и меня спасала она отъ разоренія, потому что была прекрасной души человѣкъ. Брайна появилась на рынкѣ лѣтъ 60 назадъ. Торговала по рынку бобами. А отъ бобовъ перешла къ антикамъ. Не удивляйтесь, у насъ все такъ. Другой старѣйшій торговецъ, Д. Н. Вахаевскій, перешелъ къ антикамъ отъ сапогъ. Торговалъ сапогами. Случайно купилъ часы Маріи-Антуанетты за 35 рублей. Продалъ ихъ Савостину за 200 рублей, а тотъ нарядѣ за 35,000 рублей. А сейчасъ они въ музеѣ бар. Штиглица,—и цѣны имъ нѣтъ. Понравилось Вахаевскому такое дѣло, и бросилъ сапоги. Е. Н. Купріяновъ торговалъ будильниками. Н. И. Смирновъ—мануфактурой. М. М. Савостинъ — первый теперь антикваръ,—въ Москвѣ, на Хитровкѣ, мурлылъ. Маркъ Свердловъ торговалъ часами, С. П. Тюшинъ былъ мальчикомъ въ чайной, а теперь его квартира по Литейному—дворецъ. Б. С. Чекатъ былъ мальчикомъ у Тюшина, — больно весело пѣсни пѣлъ, за то и держалъ. Московскій первоантикваръ Н. Н. Ерыкаловъ былъ другомъ Брайны. Другомъ и сотрудникомъ былъ покойный И. И. Гаевъ, первый растратчикъ фарфора въ Россіи. Тоже и растратчикъ картинъ. М. М. Вербловъ. Брайна была во главѣ цѣлой «академіи». И. Е. Хрусталевъ до картинъ торговалъ желѣзомъ, А. И. Климушковъ — обоями. Александровскаго рынка. Ея ученицами и поставщиками были покойныя знаменитости: Осипъ Ѳеодоровичъ, Ѳедоръ Б[illegible]ій, татаринъ Муртазаъ, отецъ нынѣшняго антикваръ Салямова. Со смерью Брайны уходитъ изъ Петрограда громадное учрежденіе, разумѣется подвижной музей старины,—мебели, бронзы, картинъ,—словомъ, того, въ чемъ живутъ наши предки,—эхо ушедшихъ въ Лету временъ.

Сложно и сладко бродитъ по этимъ воплощеннымъ, вещественнымъ воспоминаніямъ. И горько сознаешь, что нить сейчасъ, на ряду съ настоящимъ и будущимъ Россіи, прервется съ публичнаго торга и прошлое,—вековъ, красота предковъ....

Все уходитъ за границу...

Н. Шебуевъ.

Го слѣда въ огнѣ и мечѣ.

(Украинскія впечатлѣнія спеціальнаго германскаго корреспондента).

По взятіи Харьковъ, большого фабричнаго центра, гдѣ находилась главная квартира большевиковъ, упорядоченіе дѣлъ на Украинѣ подвинулось значительно впередъ, такъ какъ теперь большевистскія банды лишились источника поддержки, обезпечиваемой большимъ городомъ!

Теперь дѣло за тѣмъ, чтобы вновь приспособить къ работѣ взбудораженное населеніе. На очередь безотлагательно сталъ вопросъ обработки полей, въ виду наступившей теплой погоды.

При посѣщеніи имѣній графа Браницкаго, верстахъ въ 100 отъ Кіева, я воочію увидѣлъ, насколько крестьянскія волненія опустошили край. Изъ 45-ти образцовыхъ молочныхъ имѣній четыре пятыхъ разрушены, разграблены, сожжены... Скотъ разграбленъ, орудія приведены въ негодность... Руины разгромленныхъ усадебъ дополняютъ печальный пейзажъ...

Среди обгорѣлыхъ стѣнъ валяются обломки мраморныхъ статуй, драгоцѣннаго китайскаго фарфора... Въ оранжереяхъ спилены столѣтнія пальмы, драгоцѣнныя полетна старыхъ мастеровъ украшаютъ крестьянскія кухни, а нерѣдко превращены и въ лохмотья.

Князь Радзивиллъ, внукъ генералъ-адъютанта императора Вильгельма, опредѣляетъ свои убытки въ 39 милліоновъ руб.

Озимые хлѣба, посѣянные еще помѣщиками, хороши. Посѣвъ яровыхъ еще не обезпеченъ, но мнѣ случалось присутствовать на крестьянскомъ сходѣ, который скорѣе напоминалъ собою засѣданіе солдатскаго совѣта, было рѣшено приступить къ обезпеченію полей.

Переѣздъ между Кіевомъ и Одессой произвелъ на меня болѣе отрадное впечатлѣніе. По обѣ стороны желѣзнодорожнаго полотна, покуда глазъ хватаетъ, на безконечномъ просторѣ убѣгающихъ нивъ, всюду черная крохотная точка работающихъ пахарей...

Между Кіевомъ и Одессой ходитъ курьерскій поѣздъ, обставленный со всевозможною роскошью, до бѣлыхъ покрывалъ включительно. Въ теченіе 14 часовъ передъ тобой мелькаютъ одинъ за другимъ большіе города и, стоитъ проѣхаться въ пассажирскомъ поѣздѣ, набитомъ вплоть до крыши народомъ, чтобы убѣдиться, что продовольственныя возможности этой страны превосходятъ, пожалуй, не одну только Европу, но весь свѣтъ. Достать можно все и въ любомъ количествѣ, правда, по цѣнамъ, которыя кажутся высокими, если принимать во вниманіе не настоящую, а будущую такую стоимость рубля.

Недостатокъ угля не можетъ не заботить, особенно въ связи съ положеніемъ сахарной промышленности. Въ Одессѣ недостатокъ этотъ настолько ощутителенъ, что трамваи стали и газъ не работаетъ.

Но, нужно полагать, что поднятіе нашихъ войскъ къ угольному району улучшитъ положеніе къ осени, когда начнется сахарная кампанія.

Спасность печатному слову.

Спеціалистъ газетнаго дѣла, И. Вольфсонъ, въ «Нашемъ Вѣкѣ» въ большомъ фельетонѣ предоставляетъ возможность «стороннему человѣку» задуматься надъ вопросомъ, который пока могъ выполнять только спеціалистовъ дѣла, писательскую братію, да редакціонные коллективы,—надъ вопросомъ о кризисѣ русской печати, а, можетъ быть,—если принять его пессимистическія предположенія,—то и о гибели книжно-газетнаго дѣла въ Россіи.

Цѣлый рядъ трагическихъ обстоятельствъ, среди которыхъ даже не на первомъ мѣстѣ стоитъ «избіеніе младенцевъ», т. е. намѣренное придушеніе печати,—создалъ истинно катастрофическое положеніе печатнаго слова въ Россіи.

Шагъ за шагомъ, деталь за деталью, авторъ слѣдитъ, какъ создались такія условія бытія, при которыхъ нормальное издательство книгъ въ Россіи (разумѣется, всегда отставшее въ дешевизнѣ отъ заграницы) можетъ нынѣ представляться блаженнымъ сномъ, о которомъ нельзя теперь мѣчтать и думать. Чудовищное вздорожаніе бумаги (напр., вмѣсто 7 р. 68 коп. по 144 руб. за стопу!), набора, печати, брошюровки и т. д. привело въ конечномъ итогѣ къ тому, что въ наглядномъ примѣрѣ г. Вольфсона книга, стоившая двѣ съ небольшимъ тысячи, теперь обошлась бы издателю въ 38 безъ малаго тысячъ!

Можно представить, что получилось въ печати, всегда срочной и повышенно дорогой работѣ газетъ! Изъ доходныхъ статей всякой газеты,—объявленій, подписки и розницы,—двѣ первыя почти вовсе отпали, послѣдняя поплатилась до крайности. Совѣтскій декретъ, какъ извѣстно, отнялъ отъ газетъ право публикацій, ударилъ оцѣнкой копѣекъ по газетѣ, другимъ по обыкновенію—можетъ быть, столько же по безработному обывателю, какъ и по газетѣ, что неоднократно подчеркивалось и въ нашей газетѣ.

Страшное сокращеніе русской территоріи, ибо лишились и Прибалтійскій, и Сѣверо-Западный край и Финляндія,—край, не потрѣзало подписку. Да и не сомнительно ли доходъ отъ подписки при нынѣшней дороговизнѣ рукъ, бумаги и краски! Прибавьте къ этому всякаго рода гоненія на печать, сожиганія, конфискацію буржуазныхъ газетъ, воспрещенія и т. д.

Остается одна розничная продажа, но разнѣ она не расшатана общимъ обѣдненіемъ, обращеніемъ состоятельныхъ людей въ бѣдняковъ, эвакуаціями, отсутствіемъ публикацій, смятеннымъ настроеніемъ читателя,—который иногда радъ закрыть уши и глаза, чтобы на минуту ничего не читать и не слышать,—разрушеніемъ желѣзнодорожныхъ контрагентствъ и т. д. и т. д.

Положительно катастрофична картина, передъ которой, въ концѣ концовъ, оказывается читатель фельетона! Дѣло становится не только безнадежнымъ, но прямо убыточнымъ.

«Особенно чувствительна, читаемъ здѣсь,—дороговизна бумаги и рабочихъ рукъ. Для иллюстраціи дороговизны рабочихъ рукъ въ газетномъ дѣлѣ достаточно сказать, что, несмотря на высокую поштучную плату газеты, **она не окупаетъ себя.**

Расходный бюджетъ газетъ, не имѣющихъ большого тиража, въ общемъ, совершенно **не соотвѣтствуетъ доходному**».

Въ высшей степени пессимистиченъ послѣдній выводъ и лирическій финалъ фельетона. Горькія слова говоритъ Вольфсонъ, и едва ли онъ единокомъ драматизуетъ дѣло:

«Въ конечномъ итогѣ книгѣ, журналу и независимой газетѣ грозитъ гибель. Нашло и вѣковѣ привязки кризиса—безработица среди работниковъ печатнаго и издательскаго дѣла, которая за послѣдніе мѣсяцы все обостряется.

Всѣ организаціи, соприкасающіяся съ издательскимъ и печатнымъ дѣломъ, какъ наиболѣе близко стоящія къ печатному слову, должны серьезно подумать тѣмъ судьбѣ русской книги, журнала и газеты. Не можетъ остаться равнодушнымъ къ этому дѣлу и русское общество».

О чемъ пишутъ.

Нѣсколько неожиданно, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, начало чесать преданное забвенію, имя Николая II.

«Народное Дѣло» говоритъ:

На тронѣ Николая II уже незримо восѣдаетъ гр. Мирбахъ, и можно только удивляться жалкой наивности «самопишущаго» Чичерина, думающаго угодническими водами спасти всю свою компанію отъ посѣщенія пивка нѣмецкимъ сапогомъ, отъ котораго совѣтская власть погибнетъ столь же постыдно, какъ и власть потрепанной расы.

На положеніе большевистской власти газета вообще смотрѣть довольно печально.

Если большевистская пресса злорадствуетъ по поводу того, что рада, продавшая нѣмцамъ Россію и Украину сепаратнымъ миромъ, низвергнута самими же нѣмцами то, надѣваясь надъ радой, большевики, сами того не замѣчая, издѣваются надъ самими собой. Рѣчь, между радой и Ленинымъ во внѣшней политикѣ нѣтъ принципіальнаго различія. Обѣ «власти» шли методомъ сепаратнаго мира; обѣ стремились такимъ путемъ получить «передышку»; обѣ думали только о спасеніи своего собственнаго положенія, но не о спасеніи своей страны. И потому обѣмъ имъ предопредѣлѣнъ одинъ конецъ.

Конечно, не о безсильномъ самодержавіи Николая II идетъ здѣсь рѣчь, но рука Вильгельма, безспорно, чувствуется и въ Петроградѣ и въ Москвѣ»... Гр. Мирбахъ едва ли сидитъ сложа руки.

***

А въ газетѣ, такой впрочемъ, какъ Пеш, разыгрываются сценки, одну изъ которыхъ находимъ на столбцахъ «Новой Жизни»:

— Въ настоящее время въ Пешѣ организовались двѣ чисто церковныя партіи: «владимирцы» и «федоровцы», группирующіяся вокругъ двухъ архіепископовъ — б. Владимира и нынѣшняго Ѳедора. Владимирцы и Федоровцы представляютъ враждующіяся лагеря. Особенной энергіей отличаются владимирцы. Эта партія дѣлаетъ налеты на дома приверженцевъ новаго архіепископа, вламываютъ дверь и т. д., и т. д. Борьба двухъ церковныхъ партій приобрѣтаетъ все большее и большее [illegible], вовлекаетъ широкіе круги населенія, и на этой почвѣ происходятъ любопытные инциденты. Разсказываютъ, разъ во время богослуженія Ѳедора въ оборотъ владимирцы устроили обструкцію.

— Не надо намъ Ѳедора! Долой его! Давайте Владимира!

— Долой Владимира! — не оставались въ долгу федоровцы.

Рыскалась какая то старушенка и примирила враждующихъ.

— Не Владимира намъ, не Ѳедора, Царя—батюшку намъ надо, вотъ кого!..

Любопытны въ этомъ отношеніи и настроенія, помѣщенныя корреспондентомъ «Н. Дня», которому удалось проѣзжать дѣлѣть за б. царемъ по его пути въ Екатеринбургъ.

Въ одномъ изъ своихъ подъѣздъ, — рассказываетъ г. Г[illegible]ръ—слѣдовавшемъ въ Екатеринбургъ, родимъ, въ купѣ II. класса, я увидѣлъ бывш. министра Гермогена, котораго тоже переводили изъ Тобольска. Гермогенъ—сановитый старикъ, съ быстрымъ взглядомъ, съ дѣланной доброй улыбкой и твердою молодой походкой. Физіономія строгая, особенно одного, очевидно, старшаго, явнаго алкоголика, внушаетъ мало довѣрія, и матерый черносотенный волкъ, отданный имъ въ руки, едва ли чувствуетъ себя спокойно...

Эти нѣсколько дней передъ 1 мая [illegible] дор. отъ Омска до Екатеринбурга [illegible] разговорами о б. царѣ.

Въ мартѣ 1917 г. мнѣ тоже пришлось проѣзжать по жел. дор., спѣша въ Петроградъ. Тогда всѣ разговоры также были преисполнены разговорами о царѣ: его были дни отреченія Николая II отъ престола. Общая ненависть къ Николаю объединяла тогда всѣхъ въ общемъ ликованіи. Теперь не то. Общая ненависть къ совѣтскому режиму вызывала со всѣхъ сторонъ осторожныя, но слишкомъ въ сочувствію Николаю реплики. Куда везутъ? Зачѣмъ везутъ? Для чего тронули изъ Тобольска? Но многіе слушали строго молчаливо. И это угрюмое молчаніе было хуже сожалѣнія.

Штрихи—сколь любопытные!..